

УДК 167.7

Пугачева Наталья Петровна

кандидат философских наук, доцент
fil.ist.in@pgau.ru

Здоровинин Владимир Александрович

доктор ветеринарных наук, профессор
fil.ist.in@pgau.ru

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент
кафедра философии, истории и иностранных языков, кафедра ветеринарии,
Пензенский государственный аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Natalya P. Pugacheva

candidate of Philosophy, associate professor
fil.ist.in@pgau.ru

Vladimir A. Zdorovinin

doctor of Veterinary, professor
fil.ist.in@pgau.ru

Tatiana G. Dorofeeva

candidate of Philosophy, associate professor
Department of Philosophy, History and Foreign Languages; Department of
Veterinary, Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

Человек и наука в поле противостояния сциентизма и антисциентизма

Man and science in the field of opposition of scientism and antiscientism

***Аннотация:** В статье рассматривается противостояние сциентизма и антисциентизма в историческом аспекте и на фоне нравственных проблем современного социума. Ставится проблема безразличия, «бездушия» научно-технического знания, его продолжающейся обособленности от сугубо человеческих, экзистенциальных проблем: добро и зло, свобода и ответственность, смысл жизни. Авторы обращают внимание на то, что этические критерии по отношению к науке стали важной формой ее «обуздания» в истории XX века.*

***Ключевые слова:** сциентизм, антисциентизм, антитехницизм, человек, общество, наука, гуманизм, научно-технический прогресс.*

***Abstracts:** The article discusses the opposition of scientism and anti-scientism in the historical aspect and against the background of the moral problems of modern society. The problem of indifference, the «soullessness» of scientific and technical knowledge, its continued isolation from purely human, existential problems is posed: good and evil, freedom and responsibility, the meaning of life. Ethical criteria in*

relation to science have become an important form of its «curbing» in the history of the XX century.

Keywords: *scientism, anti-scientism, anti-technicalism, man, society, science, humanism, scientific and technological progress.*

Если каждому индивиду до какой-то поры присуще свойство считать себя центром мира (эгоцентризм), то в плане науки также можно отметить нечто подобное. Несмотря на экспериментальные и теоретические провалы, наука с первых шагов своего существования мыслила себя как нечто высшее и универсальное по отношению к другим типам знания и даже самой действительности. Открытое и познанное, измеренное и четко зафиксированное, переведенное в рамки закона и закономерности, имплицитно или явно противопоставлялось, как нечто высшее, «непричесанной» природе и человеку. «Процесс онаучивания зачастую мыслится наряду с окультуриванием и часто подменяет последний. Из этих превознесений науки, приписывания ей свойств панацеи от всех социальных и естественных недугов и рождается сциентизм» [2]. В более узком смысле слова под сциентизмом понимают не только абсолютизацию роли науки во всех областях жизни социума и индивида, но и такую мировоззренческую позицию, когда формы, средства и методы познания в математике и естествознании рассматриваются в качестве образца для любой другой формы познавательной деятельности.

Основы сциентизма были заложены в глубокой древности, когда математические, астрономические, медицинские и другие знания были уделом немногих и носили священный, сакральный характер. Обратной стороной медали была ненависть ко всему непонятному и новому, которая нередко овладевала толпой и приводила к гибели великих ученых. Хрестоматийным примером в этом отношении стала судьба Гипатии (370-415), дочери александрийского математика Теона. Последовательница философа-неоплатоника Ямвлиха, она прекрасно знала труды Платона и Аристотеля, а к сочинениям Аполлония и Диофанта написала комментарии. Женщина-ученый пользовалась всеобщим уважением, как среди язычников, так и христиан Александрии. Но именно фанатичная толпа христиан, как передает источник, буквально растерзала ее.

Трудно назвать количество ученых, погибших в застенках и на кострах инквизиции по обвинению в колдовстве. Таким образом, корни сциентизма и антисциентизма, двух направлений мировоззренческого характера, оформившихся в 60-е годы XX века, следует искать в далеком прошлом человека, в особенностях его душевной и духовной жизни. Современный сциентизм имеет под собой солидный фундамент научных свершений и открытий. Разве можно опровергнуть тот факт, что наука коренным образом изменила стиль жизни человечества, что она стала непосредственной производительной силой общества, что от ее успехов или неудач во многом зависит будущее населения планеты, ее судьба? Для сциентизма наука – сверхчеловеческое образование, оно независимо и объективно, развивается

автономно. В свою очередь антисциентизм принижает роль науки, считает ее противостоящей подлинному человеческому бытию.

50-60 гг. XX в. были годами подлинного расцвета современного сциентизма. Это и понятно, ведь успехи науки и техники выглядели настолько потрясающими, что за их блеском трудно было разглядеть трагические тени экологической, антропологической и морально-психологической «расплаты». Освоение атомной энергии (мирный атом): атомные станции, ледоколы, запуск космических ракет с выводом на околоземную орбиту и т.д. и т.п. Научно-технический прогресс рассматривался в качестве определяющей формы развития, отсюда рождались теории конвергенции, менеджмеризма. Белл, Фурастье, Бжежинский и др. создавали теорию нового общества: постиндустриального, технотропного, информационного. Белл полагал, что НТП коренится в науке и именно в этосе науки заложена возможность будущего общества. Бжежинский выдвинул идею о том, что в технотропном обществе все социальные конфликты примут правильную форму и направление. Идеологическая форма мышления сойдет со сцены, а ее место займет мышление логическое. Современная футурология предлагает два варианта развития НТП. Согласно первому, «оптимистическому» сценарию, научно-технический прогресс будет генерировать проблемы, это неизбежно, но он же сам будет и решать их. Второй, «пессимистический» сценарий, акцентируя возникновение проблем в связи с ростом НТП, их разрешение относит на долю человека, который будет вынужден находить выход из трудных ситуаций путем ограничения собственных потребностей.

Слабая сторона социологического сциентизма заключается в проблемах гуманизма: он исключает человека из культурно-исторического процесса и делает его заложником НТП, превращая индивидов в средство. Познание научного стиля стремится элиминировать, удалить все «слишком человеческое», психологическое, как определенную помеху чистоте науки.

Ахиллесовой пятой сциентизма является также изоляционизм, суть этой позиции состоит в том, что наука рассматривается изолированно от культуры. На Западе такой ход мысли весьма популярен. Иллюзия изоляционизма возникает потому, что в продукте науки имплицитно, т.е. скрыто, неявно содержится то, что сделало его таковым. Чтобы избежать этой односторонней позиции, необходимо рассматривать не только итог науки, ее плоды, но и весь путь движения к этому итогу. Научный процесс не является только логическим процессом, – наряду с мышлением это и творчество, причем и сама мыслительная деятельность может носить творческий характер. В самую сердцевину опыта может проникать интуиция (Эйнштейн). Познание же не является простым копированием действительности, оно – продукт раскрытия творческих способностей и деятельных усилий человека. Научное познание является по сути многофакторным. Конт сделал великое открытие, указав на то, что мы не просто зеркально отражаем окружающий мир, но в сущности является в какой-то мере его конструкторами, созидателями. Поэтому познаваемый внешний мир предстает перед нами как «освоенный», т.е. очеловеченный и никакого иного, сугубо внечеловеческого мира, никоим

образом не соотносимого с нами, нашей всечеловеческой субъективностью, нам постигать не дано. Конечно, эта позиция близка к субъективному идеализму, но только близка, ведь у последнего иной ход мысли: без субъекта нет объекта и быть – это значит быть воспринимаемым. История знает немало примеров продуктивного влияния ненаучных факторов на науку: это и иллюзии, и внезапные озарения, парадоксальные аналогии, поражающие воображения ученого и позволяющие иногда сделать открытия, это, наконец, и религия с ее догматами и теологические рассуждения, взятые сами по себе. Повидимому, объективный мир бесконечен. Изучая его, мы неизбежно накладываем на объект исследования целый ряд ограничений.

В целом же, нельзя отвергать влияние социокультурных факторов на развитие науки, но при этом возникают еще и следующие вопросы: включается ли элемент культуры в научное знание и является ли наука частью культуры? В культуре складываются, чаще всего постепенно, моральные нормы и вдруг весь нравственный мир оказывается неустойчивым, зыбким, разорванным... Причина? Наука открыла клонирование или еще нечто новое, что само по себе радикально противостоит традиции. Однако, как подметил русский философ Л. Шестов, наука и нравственность, несмотря на периоды взаимной вражды и ненависти, способны вдруг соединиться, поскольку сказывается их генетическое родство: и та, и другая опираются и ищут такого основания, как закон, норма. Все «ненормальное», т.е. удивительное, неповторимое, уникальное остается вне интересов науки, поскольку ее опора – повторяемость, причем в искусственно созданных условиях, а именно – экспериментально.

Наряду со сциентизмом, антисциентизм набирал крутые обороты, порой обгоняя «наукопоклонников». Если обратиться к истории, то именно «век Просвещения», XVIII век, как ни странно породил антисциентистские настроения. Жан Жак Руссо остро почувствовал и художественно-философски отобразил грядущие беды цивилизации, путь к которым пролегал через его время. Техника всегда воспринималась в неразрывной связи с наукой, она в определенном смысле ее детище, поэтому антитехнизм можно рассматривать как один из видов антисциентизма. В такой промышленно развитой стране, как Англия, в 1811-1812 гг. широкий размах получило движение луддитов, по имени легендарного рабочего Неда Луда, который, якобы первым рискнул сломать машину, видя в ней своего прямого врага и конкурента. Это движение приняло широкий размах и продолжалось до 1816 г., хотя в 1813 г. был принят закон о наказании смертной казнью того, кто специально ломает машину.

Сократ, как мы помним, доподлинно знает только то, что ничего не знает (пролог «ученого незнания» Н. Кузанского) и обращает свой взор от внешнего мира к миру внутреннему, где, по его мнению, человек властен над собой, своими поступками и мыслями. В этой глубине своей самости индивид постигает себя через добро и зло, т.е. как моральное существо. Этические критерии по отношению к науке стали важной формой ее «обуздания», а затем и дискредитации. Так, антисциентизм, четко подмечая негативные, зачастую разрушительные для природы и для человека последствия НТП, сетует по

поводу безразличия, «бездушия» научно-технического знания, его обособленности от сугубо человеческих, экзистенциальных проблем: добро и зло, свобода и ответственность, смысл жизни и др.

Оппозиция научно-техническому прогрессу, его негативным последствиям складывается легко, поскольку за все свои достижения человек вынужден платить огромную цену в виде здоровья, потери человеческих качеств и самой жизни. Например, выигрывая во времени и скорости, человечество жертвует ежегодно десятками тысяч жизней людей, погибающих в авто-, авиа-, железнодорожных и морских катастрофах. Появление министерств и ведомств по чрезвычайным ситуациям (МЧС) – свидетельство того, что чрезвычайное становится обыденным, если к нему надо готовиться и чуть ли не в плановом порядке, поскольку техногенные катастрофы стали неизбежным спутником современной цивилизации. Попытка найти истину в аристотелевской «середине» между сциентизмом и антисциентизмом пока ведет только к ограничению оптимизма относительно всемогущества науки, увеличению значения трезвой оценки научной рациональности как одного из видов разумности наряду с искусством, религией, философией и т.п. В то же время полностью отказаться или затормозить темпы НТП в мировом масштабе не удастся ввиду многополюсности современного мира, неравномерного развития стран, несовпадения их культур. Человечество зависит от научно-технического прогресса, который формирует искусственное возникновение новых потребностей и техногенные способы их удовлетворения (компьютеры, сотовая связь и т.п.). «Философия науки, этика, социальная философия призваны к тому, чтобы осознать, осмыслить и предложить решение проблем, связанных с ростом инерции НТП и его расчеловечиванием» [1].

Литература

1. *Исторические и философские перипетии XX века. Пенза: РИО ПГАУ, 2018. С. 172.*

2. *Козлова Н.П., Пугачев Н.П. История и философия науки и техники. Пенза: РИО ПГСХА, 2006. С. 71.*

Literature

1. *Historical and philosophical twists and turns of the 20th century. Penza: RIO PGAU, 2018. S. 172.*

2. *Kozlova N., Pugachev O. History and philosophy of science and technology. Penza: RIO PGCXA, 2006. S. 71.*